

НОРМА И ВАРИАНТЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ФАКТОРЫ ВЫБОРА

УДК 81-26, 81'272
DOI 10.17223/18137083/56/1

Е. В. Арутюнова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Реформа русской орфографии и пунктуации 1960-х годов: неизвестные страницы истории

Реконструированы важнейшие этапы подготовки реформы орфографии и пунктуации начала 1960-х гг., выполнен анализ профессиональной и общественной полемики по поводу возможных изменений в системе письма. Представленные материалы позволяют установить, кто был инициатором реформы, какова была роль государства в ее проведении, почему реформа не состоялась и каково было значение научной и общественной орфографической дискуссии. Источниковой базой исследования послужили как опубликованные материалы, так и неопубликованные документы Архива РАН.

Ключевые слова: орфография, пунктуация, реформа орфографии, реформа пунктуации, реформа языка, языковая политика, орфографическая комиссия.

Сочетание «реформа орфографии» заставляет насторожиться практически каждого носителя русского языка. У большинства современников эти слова вызывают устойчивое отторжение: «Опять реформа?», «Оставьте в покое русский язык!». Почему в обществе сложилось столь сильное предубеждение против реформ в орфографии? В большой степени это связано с историей ее реформирования и, в частности, с попыткой упрощения правил, предпринятой в начале 1960-х гг.

В статье мы рассмотрим, кто стал инициатором реформы 1960-х и зачем она была задумана, как готовился проект реформы и как общество восприняло предложение изменить правила, почему реформа не состоялась и каковы были последствия тех орфографических событий.

Представленные в статье факты почерпнуты из источников, которые можно разделить на две группы: это материалы, посвященные реформе 1960-х гг. (проекты реформ, неопубликованные архивы Президиума Академии наук СССР, Отделения литературы и языка, опубликованные воспоминания ученых – участников

Арутюнова Елена Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры медиа-речи Института массмедиа Российского государственного гуманитарного университета (Миусская пл., 6, Москва, 125993, Россия; arutyunova.elena@gmail.com)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2016. № 3
© Е. В. Арутюнова, 2016

орфографических событий), и публикации, посвященные реформе, в специальных изданиях (например, в журналах «Известия Академии наук», «Русский язык в школе») и в массовых (газетах «Известия», «Литературная газета», «Советская Россия» и др.). Изученные источники позволяют увидеть реформу с двух сторон: изнутри профессионального сообщества, как бы глазами тех, кто готовил проект или был вовлечен в непубличную профессиональную дискуссию, и снаружи – со стороны общества.

Идея реформировать орфографию и пунктуацию исходила от властных структур самого высокого уровня. Проект реформы был опубликован в сентябре 1964 г., а соответствующая задача была поставлена перед Отделением литературы и языка АН СССР (далее ОЛЯ) еще в 1960-м. В планах ОЛЯ на 1961 г. значится тема «Проект дальнейшего упорядочения русской орфографии и пунктуации»¹.

Государством была определена основная цель реформы – упростить письмо, чтобы облегчить его изучение. Подобное упрощение позволяло увеличить в школе время на освоение производственных специальностей, что в итоге должно было способствовать экономическому росту страны. Попутно решался целый ряд дополнительных задач. Наиболее значимыми из них являлись следующие: 1) сэкономить на обучении русскому языку; 2) обеспечить возможность практически каждому ценой незначительных усилий достичь нового, сниженного уровня грамотности; 3) рапортовать о всеобщем наивысшем уровне грамотности в стране; 4) создать условия для более быстрого распространения русского языка в мире.

Эти цели и задачи были открыто продекларированы в статье профессора А. И. Ефимова, опубликованной в марте 1962 г. в газете «Известия» – официальном органе Верховного Совета СССР [Ефимов, 1962], и в статье учительницы Э. И. Биргер в августовском номере журнала «Русский язык в школе» [Биргер, 1962]. 25 августа 1962 г. в отчете сессии Верховного Совета РСФСР в числе задач, которые необходимо решить для соединения школы и производства, была упомянута следующая: «В возможно короткий срок провести упорядочение и решительное упрощение правил русской орфографии и пунктуации» [На повестке дня, 1962].

А. И. Ефимов в своей статье утверждал, что именно орфография губит творческие порывы детей, убивает красноречие. Он писал об орфографии как о досадном недоразумении и предлагал ряд упрощений в правилах, не подкрепляя это никакими лингвистическими аргументами. Филолог словно убеждал читателя в том, что все проблемы правописания можно решать легко, без сколько-нибудь серьезного научного рассмотрения. А. И. Ефимов обвинял академика Я. К. Грота в том, что тот с «немецкой педантичностью и утонченной пунктуальностью» безмерно усложнил орфографию и тем самым создал «тормоз для желающих учиться “кухаркиных детей”».

Публикация Э. И. Биргер соответствовала всем канонам советской проблемной статьи. Она начиналась с общих слов о колоссальном значении русского языка. Далее констатировался негативный факт: несмотря на важное место в системе школьного обучения, грамотность остается низкой. После этого обосновывалась необходимость реформы, а в качестве важнейшего аргумента были процитированы слова В. И. Ленина, спроецированные на русское правописание: «...не загромождать своего ума тем хламом, который не нужен, а обогатить его знанием всех фактов, без которых не может быть современного образованного человека».

¹ Перспективный план работы Отделения литературы и языка на 1961–1965 гг. // АРАН. Ф. 456. Оп. 1. Д. 678. Л. 44.

А. И. Ефимов и Э. И. Биргер заранее объявляют всех будущих противников реформы «старобрядцами», «консерваторами», «бюрократами» и т. п.

Профессора С. Г. Бархударов и А. Б. Шапиро несколько позже сделают упрек в адрес А. И. Ефимова за выбранный им тон. «Нельзя, когда речь идет о русском правописании, рассуждать так игриво...» – напишет С. Г. Бархударов [Бархударов, 1963, с. 17], а А. Б. Шапиро отметит «упрощенность и прямолинейность» доводов коллеги, укажет на несправедливость, допущенную в оценке деятельности Я. К. Грота [Шапиро, 1962, с. 478].

А. И. Ефимов был профессором Московского университета и сотрудником Института русского языка АН СССР, возглавляемого В. В. Виноградовым – академиком-секретарем ОЛЯ АН СССР. Вот важный штрих к портрету публичного инициатора реформы, который был сделан М. В. Пановым: «Вообще Виноградовская школа имеет вид штанов: одна штанина – это администраторы. Виктор Владимирович очень умело подбирал людей, которые освобождали его от всякой мелкой суетни. ...Ефимов такой был. А была другая штанина. Это ученые: Белошапкова, Земская, Ковтунова» [Беседы с М. В. Пановым, 2001, с. 515]. И хотя прямых свидетельств мы не находим, но все факты говорят о том, что А. И. Ефимов был активным сторонником реформы, однако написал свое воззвание по распоряжению руководства.

Совершенно очевиден заказной характер первых публикаций о реформе. Они должны были изобразить запрос общественности. Полемике в прессе, открытой статьями А. И. Ефимова и Э. И. Биргер, отводилась роль ритуала, который продемонстрировал бы общественную поддержку проекта. Орфографическая комиссия должна была исполнить социальный заказ.

Несмотря на то что реформа была инициирована сверху, часть общества идеей реформы одобрила. И в ходе полемики, продолжавшейся почти три года, был вскрыт целый комплекс проблем, связанных с правописанием:

- это лакуны кодификации и нечеткость, неоднозначность действующих правил;
- завышенные требования к уровню грамотности школьников (об этом писали и говорили прежде всего ученые – С. Г. Бархударов, В. М. Жирмунский, Д. Э. Розенталь);
- недостаточность знаний учителей о системе письма, его истории;
- проблемы, связанные с диалектной дифференциацией русского языка;
- неоправданный акцент в содержании школьного курса на орфографии, необходимость больше внимания уделять стилистике, написанию текстов;
- несовершенство методики преподавания.

Впечатляют некоторые данные об уровне грамотности, прозвучавшие в ходе дискуссии. Они должны были послужить весомым аргументом, подтверждающим необходимость упрощения орфографии.

Э. И. Биргер писала: «Школьная практика показывает, что примерно 30 % учащихся за время прохождения программы по русскому языку не усваивают правил правописания и остаются неграмотными. Большая часть из них то остается на второй год, то тянется из класса в класс и в конце концов вынуждена покинуть школу, так и не доучившись; 40–45 % – учащихся усваивают правила не твердо и пишут на “тройку”. Только в отношении 25–30 % можно сказать, что они, заканчивая среднюю школу, пишут в основном грамотно. Это в РСФСР. В союзных республиках результаты намного хуже» [Биргер, 1962, с. 100].

В. В. Виноградов в одном из докладов приводит такие цифры: по результатам проверки, проведенной Академией педагогических наук в 1960–1962 гг., «из 16

680 учащихся V классов проверенных школ 16 % не справились с работой по русскому языку, то есть каждый шестой ученик не успевает»².

По данным Министерства просвещения, в 1963/1964 учебном году «по РСФСР на второй год осталось 1 200 тыс. школьников»³.

Сейчас стало общим местом сетование на катастрофически низкий уровень грамотности по сравнению с высоким уровнем середины XX в.⁴ Приведенные цифры заставляют по меньшей мере усомниться в справедливости этих представлений.

15 декабря 1962 г. В. В. Виноградов ответил на сформулированный А. И. Ефимовым и Э. И. Биргер призыв упростить правила письма и объявил о формировании орфографической комиссии при ОЛЯ АН СССР [Виноградов, 1962]. Однако официально комиссия создается только 24 мая 1963 г. постановлением Президиума АН СССР «Об организации комиссии по усовершенствованию русской орфографии»⁵.

Сопоставление дат, связанных с работой над проектом упрощения орфографии, заставляет думать, что лингвисты, которым была поручена разработка проекта, не спешили с выполнением поставленной задачи. Напомним: орфографическая тема появляется в планах ОЛЯ еще в 1960 г. Причем в плане 1961 г. срок исполнения – 1962 г. Но на исходе 1962 г., В. В. Виноградов только объявляет о создании орфографической комиссии и через пять месяцев после этого (в мае 1963 г.) комиссия назначается официально. Сам же проект публикуется в сентябре 1964 г.

Складывается впечатление, что такая медлительность в исполнении госзаказа – лишь один из фактов, демонстрирующий не очень большую заинтересованность главы филологической науки того времени – В. В. Виноградова – в работе по реформированию правописания.

Приведем еще один показательный пример, который немного уведет нас в сторону от основного сюжета, но подтвердит выдвинутое предположение.

«Правила русской орфографии и пунктуации», вышедшие из печати в августе 1956 г. [Правила..., 1956], как принято считать, узаконены на государственном уровне. В ходе исследования была сделана попытка обнаружить соответствующий документ. 26 мая 1956 г. в «Учительской газете» была опубликована статья «Единый свод правил орфографии и пунктуации» [Крючков, 1956], по стилю похожая на официальное сообщение. В ней читаем: «Новые “Правила русской орфографии и пунктуации” уже утверждены Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР». Однако в постановлениях Президиума АН СССР за 1955–1956 гг. соответствующий документ отсутствует.

При этом на заседании Президиума АН СССР накануне публикации, 25 мая, орфографическая тема была затронута, но совсем не в том ключе, который мог дать основание для официального заявления, сделанного С. Е. Крючковым.

Обсуждали план работы на 1956–1960 гг. В. В. Виноградов делал доклад. Во время обсуждения доклада речь зашла о культуре речи (к этому и сейчас часто

² Стенограмма Общего собрания ОЛЯ АН СССР 23–24 июня 1964 г. // АРАН. Ф. 456. Оп. 1. Д. 774. Л. 95.

³ Стенограмма Общего собрания ОЛЯ АН СССР 23–24 июня 1964 г. // АРАН. Ф. 456. Оп. 1. Д. 774. Л. 138.

⁴ Чаще всего в этих случаях сетующие ссылаются на свой личный опыт, а не на проверенные данные масштабных исследований. См., напр.: Ясюкова Л. А. Причины и профилактика учебных проблем современных школьников. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=kTaHhFbenfQ> (дата обращения 01.05.2016).

⁵ Постановление Президиума АН СССР от 24 мая 1963 г. № 454 // АРАН. Ф. 1602. Оп. 1. Д. 99. Л. 4–6.

сводятся разговоры с языковедами). Президент АН СССР А. Н. Несмеянов отметил, что В. В. Виноградов «совершенно кратко упомянул о работах в области нормализации современного русского языка»⁶ и обратился с пожеланием русистам заняться разработкой теоретических основ орфографии и вообще нормализаторской работой. Академик М. Н. Тихомиров (доктор исторических наук) присоединился к пожеланию: «В свое время Академия занималась вопросами русской орфографии. Сейчас, как известно, орфографией занимаются главным образом корректора⁷. Это напоминает известный чеховский рассказ. Сейчас, вероятно, можно выпороть каждого из присутствующих, потому что никто из нас грамотно не пишет, ибо угнаться за тем, что делают корректора в “Правде” и в других изданиях нет возможности. Если Грот занимался в свое время, а он тоже был академиком, то может быть какие-нибудь основы научной орфографии должны нас касаться. И Академия наук сделала бы важное государственное дело и оказала бы настоящую помощь всей, вообще говоря, культуре советской»⁸.

В. В. Виноградов ответил, что «это не входит в тематику пятилетнего плана» и, словно стремясь подчеркнуть, что кодификаторская работа в области правописания завершена, сказал: «...правила орфографии и пунктуации сейчас утверждены президентом Академии наук и Министерством просвещения...»⁹ В. В. Виноградов словно пытался откеситься от задачи нормализации: «Я прежде всего должен указать на то, что у нас эти вопросы всегда слабо разрабатывались, отчасти это было связано с позицией Академии наук в этом отношении. <...> Потому что есть специальная статья академика Шахматова, который от имени Академии наук заявил (в начале XX в.), что не дело Академии наук устанавливать нормы, здесь Академия наук должна полагаться на авторитет крупнейших писателей и авторитет народа»¹⁰.

И далее академик делает странное заявление: «...мне кажется, что мало надежды на то, что сектор культуры речи будет заниматься этим вопросом. <...> Несомненный недостаток, и я бы сказал, что этот недостаток связан с тем, что у нас мало специалистов такого рода. Проблема нормализации языка стала разрабатываться только в последнее время. Это предполагает большое знание языка, знание художественной литературы, большие лингвистические знания, знание каких-то традиций литературного языка и т. д. Таких специалистов у нас немного»¹¹.

Состоявшийся 25 мая разговор создает впечатление, что В. В. Виноградов не стремился интенсифицировать развитие такого направления русистики, как нормализация языка и кодификация норм, в том числе исследования в области орфографии.

В. П. Сухотин с некоторым раздражением возразил В. В. Виноградову: «...высказывание академика Шахматова, во всяком случае здесь, приобрело какое-то неправомерное звучание»¹². Он уверен, что традиция русской науки как раз обратная – в тесном взаимодействии с обществом: «...академики Фортунатов и Шахматов во всей своей деятельности были неразрывно связаны с практикой и со школой»¹³. Филолог делает серьезный упрек в адрес сектора культуры речи: «Мне кажется, что сектор культуры речи был создан по инициативе Президиума

⁶ Стенограмма заседания Президиума АН СССР 25 мая 1956 г. // АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 219. Л. 142.

⁷ Здесь и далее сохраняются орфографические, пунктуационные и грамматические особенности источников.

⁸ Стенограмма заседания Президиума АН СССР 25 мая 1956 г. Л. 145–146.

⁹ Там же. Л. 147.

¹⁰ Там же. Л. 149–150.

¹¹ Там же. Л. 151.

¹² Там же.

¹³ Там же.

АН, и тогда ставились как раз такие проблемы. <...> Но сам сектор планирует такие вещи, как создание словарей. Создание словарей – важная вещь, но принципы создания словарей не разрабатываются и даже не ставятся такие проблемы»¹⁴.

«Если бы Институт русского языка был отдельным институтом¹⁵, эти вопросы могли бы шире разрабатываться», – бросает реплику В. В. Виноградов¹⁶.

Академик А. Н. Несмеянов подводит итог встрече, по сути формулируя общественный запрос в адрес лингвистов: «Мне только хотелось бы еще раз подчеркнуть мое глубочайшее убеждение в том, что обязанностью Отделения языка и литературы является очень интенсивная работа по нормализации и по нормам русского языка»¹⁷.

А. Н. Несмеянов отреагировал на слова В. В. Виноградова о создании Института русского языка. Институт был открыт в 1958 г. и возглавил его В. В. Виноградов. Однако обсуждавшиеся задачи так и не были включены в план на 1956–1960 гг., и нормализаторская работа уже целого института, видимо, не удовлетворяла общество, в чем регулярно на заседаниях Президиума АН упрекали русистов: «В частности, такой важнейший вопрос, как культура речи, не занял должного места в научно-исследовательской работе Института русского языка, как и практические вопросы орфографии»; «...в постановлении Президиума АН СССР, принятом еще в 1959 году, предусматривалось создание при Институте русского языка Научного совета по нормализации и культуре речи. Однако этот совет не создан и по сей день»¹⁸.

Очевидно, что «нефилологическая» общественность ожидала от лингвистов активной работы в области теории и практики нормализации языка, в области правописания. Отношение к языку как к культурной ценности, убежденность в ответственности общества за будущее своего языка, стремление говорить правильно заставляли обращаться к лингвистам. «На всех нас лежит громадная обязанность и ответственность, которую мы должны чувствовать за русский язык и за все другие языки Советского Союза, но особенно за русский язык», – произносит на заседании Президиума АН СССР А. Н. Несмеянов¹⁹.

Постановлением Президиума АН 24 мая 1963 г. была создана Государственная орфографическая комиссия. Ее председателем стал В. В. Виноградов²⁰. В состав комиссии вошли 14 языковедов – И. Ф. Протченко, М. В. Панов (заместители председателя), Б. З. Букчина (ученый секретарь комиссии), Р. И. Аванесов, С. Г. Бархударов, А. И. Ефимов, В. Ф. Иванова, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, А. А. Реформатский, Д. Э. Розенталь, А. В. Суперанская, Н. М. Шанский, А. Б. Шапиро, а также восемь методистов – Н. Н. Аглазина, Д. Н. Богоявленский, И. А. Василенко, И. Г. Голанов, Т. А. Ладыженская, В. В. Решетов, В. П. Стрезикозин, А. В. Текучев, две учительницы – И. А. Лизогубова и И. Г. Овчинникова, два писателя – В. Г. Лидин и К. И. Чуковский. Всего 27 человек.

¹⁴ Стенограмма заседания Президиума АН СССР 25 мая 1956 г. Л. 157–158.

¹⁵ Института русского языка АН СССР не существовало в период с 1950 по 1958 г. В июле-августе 1950 г. было произведено слияние Института языка и мышления и Института русского языка в единый Институт языкознания АН СССР с центром в Москве и отделением в Ленинграде.

¹⁶ Стенограмма заседания Президиума АН СССР 25 мая 1956 г. Л. 155.

¹⁷ Там же. Л. 195.

¹⁸ Протокол заседания Президиума АН СССР 2 нояб. 1962 г. // АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 423. Л. 35.

¹⁹ Стенограмма заседания Президиума АН СССР 25 мая 1956 г. Л. 196.

²⁰ До этого момента комиссию возглавляли С. И. Ожегов, потом С. И. Ожегов и М. В. Панов, далее А. Б. Шапиро.

Многие молодые ученые, вошедшие и в государственную комиссию, и в общественную (которая была создана на общественных началах в помощь официальной), очень ответственно, с большим рвением взялись за подготовку проекта. Комиссия тщательно изучила предложения по усовершенствованию русской орфографии с XVIII в. (результаты исследования опубликованы в [Обзор предложений..., 1965]). Для проверки предложений по изменению правил было проведено множество научных исследований. В проект вошли только те предложения, которые имели убедительное – с точки зрения членов комиссии – научное обоснование.

Проект, подготовленный орфографической комиссией к сентябрю 1964 г., не вполне соответствовал обозначенной «в верхах» задаче. Языковеды – создатели проекта – в качестве основного принципа реформы избрали следующий: усовершенствование русской орфографии должно состоять в систематизации, унификации написаний на основе ведущего орфографического принципа. Упрощение письма было для них не самоцелью, оно рассматривалось лишь как следствие систематизации и унификации. Если сопоставить проект, подготовленный комиссией, с многочисленными гораздо более радикальными предложениями²¹, сделанными в ходе полемики, то следует признать, что комиссия выполняла скорее охранительную функцию.

Однако созданный проект в целом не удовлетворил никого: одни считали его недостаточно упрощающим правила, другие, напротив, слишком радикальным.

Не было единства в оценке проекта и у самих членов комиссии. Уже после завершения общественной полемики, когда стало понятно, что реформы не будет, В. В. Виноградов провел тайное голосование по каждому пункту проекта и ни один не набрал большинства голосов [Иванова, 1995].

Разногласия были связаны прежде всего с различными взглядами на основы русской орфографии. Идеологом реформы, душой и закоперщиком²², был заместитель председателя орфографической комиссии М. В. Панов – яркий представитель Московской фонологической школы. Большинство орфографических предложений в разделе передачи звуков (фонем) буквами служило расширению фонематического принципа орфографии в понимании москвичей²³. Однако в комиссию входили и представители Ленинградской фонологической школы (В. Ф. Иванова, Б. А. Ларин). Они были согласны с основным принципом реформы, но в связи с иным пониманием фонемы считали, что в основу усовершенствования орфографии должен быть положен морфологический принцип. Ленинградцы категорически возражали против «фонематических» предложений, разрушающих единство графического облика морфем, например таких, как написание *-ци* (*огурци*, хотя *полы*, *сады*), написаний типа *желтый* – *желтеть*.

Новаторским предложением комиссии стали правила, предусматривающие вариативность в орфографии: написания типа *предысторический* и *предисторический*, *на линии* и *на лини*, вариативность в области слитных / раздельных написаний части наречных выражений.

²¹ Например, звучали предложения изъять из алфавита буквы *е, ё, ю, я* и ввести особые буквы для мягких согласных, писать *жы* и *шы*, заменить сочетание *сч* на *щ*, не различать в безударной позиции *о* и *а*, *и* и *е* и писать соответственно *вада*, *витирок* и т. п.

²² Так назвал М. В. Панова А. А. Реформатский [Александр Александрович..., 2001, с. 529].

²³ Одно из самых памятных предложений комиссии – написание слова *заец*. Оно основано на том, что согласно фонематическому принципу русской орфографии буквой обозначается не звук, а фонема. Фонема определяется по сильной позиции (для гласного – позиции под ударением) в той же морфеме. В слове *заяц* суффикс тот же, что и в словах *молодец*, *удалец*, его фонемный состав [эц].

В пунктуационной части проекта не прослеживаются таких четких принципов, как в орфографии. Предложения носили разнонаправленный характер и отразили стремление, с одной стороны, усилить стилистический потенциал пунктуации²⁴, с другой – немного ее упростить²⁵. Причем некоторые из этих упрощений лишали пишущего возможности с помощью знаков препинания отразить смысловые и грамматические нюансы. Так, по новым правилам теряли пунктуационные различия бессоюзные предложения, в которых значение причины содержалось в первой части и в которых это же значение заключалось во второй части, – в обоих случаях предполагалось разрешить двоеточие (ср.: *Солнце дымное встает – будет день горячий* и *Мы не могли выйти на улицу: шел проливной дождь*).

Комиссия и в пунктуационной части проекта не реализовала запрос общества. Большинство желало видеть правила пунктуации однозначными, предельно простыми в применении, не допускающими никаких вариантов.

По окончании дискуссии складывалось впечатление, что общество в штыки восприняло саму идею реформы, что писатели защитили русский язык от страшной порчи. Анализ статей, посвященных уже опубликованному проекту, и внутренних непубличных дискуссий позволяет опровергнуть утверждение о том, что общественность не приняла саму идею – вносить какие бы то ни было изменения в правописание. Действительно, большая часть нововведений вызвала протест, но некоторые предложения даже самым суровым критикам показались вполне приемлемыми. Полный перечень одобренных предложений составить затруднительно, так как основное внимание было привлечено к отвергаемым правилам. Свое неприятие участники полемики стремились обосновать подробно, в то время как приемлемые предложения не перечисляли, ограничиваясь лишь фразой о том, что некоторые предложения можно принять²⁶. Однако некоторый, безусловно, неполный список одобренных предложений комиссии все же составить удалось. В него вошли те правила, которые не были подвержены критике и при этом были упомянуты как приемлемые²⁷:

1) дефисное написание части *пол-* во всех случаях (О. В. Волков, П. Г. Антокольский, Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова, Н. С. Валгина, М. И. Фомина, редакторы издательства «Советская энциклопедия» и др.);

2) новые правила употребления прописных букв (О. В. Волков, П. Г. Антокольский, С. А. Копорский, С. Е. Крючков, Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова, редакторы издательства «Советская энциклопедия» и др.);

3) правила переноса (О. В. Волков, Л. Л. Чешко, Д. Э. Розенталь, В. М. Жирмунский, редакторы издательства «Советская энциклопедия» и др.);

²⁴ К таким предложениям можно отнести следующее: ставить тире между подлежащим и сказуемым в том случае, если пишущий хочет показать, что предложение интонационно распадается на две части: *Кровь людская – не водица*, но *Бедность не порок*.

²⁵ Напр., предлагалось ставить запятую между компонентами фразеологизмов типа *и день и ночь, ни рыба ни мясо*; обособлять фразеологизмы, начинающиеся с союза *как*: *течь как по маслу*; не ставить запятую перед инфинитивными придаточными предложениями типа *Я вышел, чтобы освежиться*.

²⁶ Напр., Л. М. Леонов, чьи слова о необходимости бить в рельсу и отказе есть *огурцы* хорошо запомнились в обществе, в скобках написал следующее: «Впрочем, жаркие замечания эти не распространяются на ряд имеющихся в проекте вполне уместных уточнений, большинство которых и без того всегда разумелось само собою» [Леонов, 1964]. Какие новые правила поэт считал само собой разумеющимися, он не уточнил. Такие же оговорки мы находим в статьях С. И. Кирсанова [1964], В. М. Инбер [1964], Г. И. Серебряковой [1964] и многих др.

²⁷ Далее в скобках указаны языковеды и писатели, одобрявшие названные предложения.

4) слитное написание сложных существительных с частями *вице-*, *унтер-* и под. (О. В. Волков, П. Г. Антокольский, Д. Э. Розенталь, Н. С. Валгина, М. И. Фомина и др.);

5) написания *жури*, *брошура*, *парашут* (М. А. Теленкова, В. М. Жирмунский, редакторы издательства «Советская энциклопедия»).

Много сторонников (например, Л. Л. Чешко, В. М. Жирмунский, С. Е. Крючков, Д. Э. Розенталь) было и у предложения отказаться от удвоенных согласных в иностранных словах. Но и высказавшихся против такого изменения было тоже немало.

Почему же, несмотря на частичное одобрение проекта, он даже в сокращенном, измененном виде не был принят? Вероятно, главная причина была в смене власти в стране и в стремлении нового руководства успокоить общество, уставшее от хрущевских реформ.

Очень показательна периодизация общественной полемики. Дискуссия в прессе четко делится на два основных этапа: первый – с марта 1962 г. и до 15 октября 1964 г., второй – с 16 октября примерно до конца 1964 г. Перелом в дискуссии совпал со снятием с должности Н. С. Хрущева, о чем объявлено было 16 октября. И именно с этого момента характер публикуемых в прессе материалов резко меняется. Если до этой даты преобладали публикации за реформу, то начиная уже с вечернего выпуска «Известий» от 16 октября количество негативных, остро критических и даже разгромных материалов резко возрастает. О своем неприятии проекта писали О. В. Волков, Т. З. Семушкин, А. Е. Адалис, П. Г. Антокольский, И. А. Ефремов, Н. П. Задорнов, Б. В. Заходер, В. М. Инбер, М. В. Исаковский, В. Я. Кирпотин, С. И. Кирсанов, Л. М. Леонов, Г. И. Серебрякова, И. Л. Сельвинский, М. С. Шагинян. Их эмоциональные, стилистически яркие, хотя и спорные с научной точки зрения отклики производили сильное впечатление на публику и сохранились в общественной памяти.

Характеризуя полемику в целом, важно отметить, что ее участники стремились развернуто аргументировать свои предложения и несогласие с нововведениями. Дискуссия была обстоятельной и очень содержательной. Значение работы по подготовке проекта реформы и научной и общественной полемики состоит в том, что было выявлено множество проблем, которые требовали научных исследований в области орфографии, пунктуации и методики их преподавания.

- Как разрешать конфликт между постоянно эволюционирующим живым языком и потребностью общества в стабильной орфографии и пунктуации?
- Если признать, что письмо медленно, но все же должно меняться вслед за языком, то как часто это возможно? Каков допустимый объем изменений? Какой должна быть процедура принятия решения об изменении норм? Должны ли нормы языка в принципе закрепляться на законодательном уровне?
- В какой мере орфография и пунктуация должны отражать смысловые нюансы, грамматические сдвиги? Каков предел дифференциации средствами орфографии языковых явлений?
- Допустима ли орфографическая вариативность как норма? Повредит ли знание о вариантности в орфографии и пунктуации авторитету норм правописания?
- Необходимы ли различные своды правил: полный академический и практически ориентированные (для редакторов и корректоров, для студентов вузов различных направлений, для школы)? Каким требованиям должны соответствовать справочники по правописанию?
- Необходимо ли и возможно ли установить орфографико-пунктуационный минимум для школы и создать на его основе критерии оценки грамотности?
- Каковы механизмы формирования грамотности, на которых можно было бы основывать эффективную методику формирования навыков письма?

• С какими специфическими проблемами сталкиваются носители диалектов при овладении правописанием? Как учесть эти проблемы в методике преподавания русского языка?

Эта проблематика увлекла некоторых молодых ученых, которые продолжили в течение всей своей жизни заниматься орфографическими проблемами. Благодаря подготовке реформы были проведены интересные исследования, подготовлено много научных книг и статей об орфографии (см., например: [Вопросы русской орфографии, 1964; О современной русской орфографии, 1964; Панов, 1964]). Таким образом, одним из результатов реформы 1960-х гг. можно считать развитие орфографии как науки, самостоятельной отрасли языкознания.

Результатом дискуссии можно признать и появление в 60–70-е гг. научно-популярных книг о языке для самой широкой публики, а также принципиально новых учебников для средней школы, написанных под руководством М. В. Панова. Задача популяризации лингвистических знаний была осознана учеными именно в ходе орфографической полемики, она стала реакцией ученых на незнание, непонимание элементарных языковых явлений, продемонстрированных как сторонниками, так и противниками реформы. Подготовка изданий для широкого читателя была провозглашена одной из важных задач языковедческих институтов.

И было еще одно следствие орфографических событий 60-х гг. Это создание негативного образа языковеда – этакого чудака, совершенно оторванного от жизни, не любящего русский язык, даже ненавидящего отдельные буквы, не уважающего литературные традиции, не слышащего «музыки слова», равнодушного к колоссальным тратам народных денег, которых потребует реформа, жаждущего чуть ли не намеренно вредить русскому языку.

Именно этот миф о лингвисте-реформаторе был реанимирован, значительно дополнен и использован чуть ли не как главный аргумент против предложения орфографической комиссии в начале 2000-х гг. внести некоторые изменения в правила правописания.

Список литературы и источников

Александр Александрович Реформатский: Тут и Пименом себя в некотором роде представишь: «Прошедшее проходит предо мною...» (Из беседы с Виктором Дмитриевичем Дувакиным) 21 (24?) ноября 1973 года // Жизнь языка: Сб. ст. к 80-летию М. В. Панова. М., 2001. С. 525–534.

Бархударов С. Г. Не ломка, а улучшение нашего письма // Русский язык в школе. 1963. № 1. С. 15–19.

Беседы с М. В. Пановым // Жизнь языка: Сб. ст. к 80-летию М. В. Панова. М., 2001. С. 483–524.

Биргер Э. И. Давно назревшая задача // Русский язык в школе. 1962. № 4. С. 100–104.

Виноградов В. В. Русская орфография и ее реформа // Известия. 1962. 15 дек. С. 5.

Вопросы русской орфографии. М.: Наука, 1964. 136 с.

Ефимов А. И. Красноречие и орфография // Известия. 1962. 23 марта. С. 3.

Иванова В. Ф. Академик Виктор Владимирович Виноградов как председатель Орфографической комиссии 60-х гг. (Научные и социальные аспекты орфографии) // Русистика сегодня. 1995. № 2. С. 108–114.

Инбер В. М. Давайте подумаем хорошенько... // Литературная газета. 1964. 8 окт. С. 2.

Кирсанов С. И. Вопреки букве и духу... // Литературная газета. 1964. 1 окт. С. 2.

- Крючков С. Е. Единый свод правил орфографии и пунктуации // Учительская газета. 1956. 26 мая. С. 3.
- Леонов Л. М. Прошу слова // Литературная газета. 1964. 3 окт. С. 2.
- На повестке дня: школа // Известия. 1962. 25 авг. С. 1.
- О современной русской орфографии. М.: Наука, 1964. 160 с.
- Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.). М.: Наука, 1965. 500 с.
- Панов М. В. И все-таки она хорошая!: Рассказ о русской орфографии, ее достоинствах и недостатках. М.: Наука, 1964. 167 с.
- Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956. 176 с.
- Серебрякова Г. И. Осторожно! // Литературная газета. 1964. 8 окт. С. 2.
- Шатило А. Б. Немаловажный вопрос (К спорам о русском правописании) // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1962. Т. XXI. Вып. 6. С. 465–580.

E. V. Arutyunova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation
arutyunova.elena@gmail.com

Russian spelling and punctuation reform of the 1960s: unknown pages of history

The paper reconstructs the most important stages of preparing the spelling and punctuation reform at the beginning of the 1960s. Professional and public debate about the possible changes in the writing system is analyzed. The material given allows us to determine who initiated the reform, what the role of the state was, and why it was not realized. The research was based both on published and unpublished documents of Archives of RAS.

Keywords: spelling, punctuation, spelling reform, the reform of punctuation, the reform of language, language policy, spelling Commission.

DOI 10.17223/18137083/56/1

References

- Aleksandr Aleksandrovich Reformatskiy: Tut i Pimenom sebya v nekotom rode predstavish': «Proshedshee prokhodit predom mnoyu...» [Here, you can imagine yourself Pimen: «the past passes before me...»]. In: *Zhizn' yazyka: Sb. st. k 80-letiyu M. V. Panova* [The life of a language: A collection of articles on the 80th anniversary of M. V. Panov]. Moscow, 2001, pp. 525–534.
- Barkhudarov S. G. Ne lomka, a uluchshenie nashego pis'ma [Not a breaking but an improvement of our writing]. *Russkiy yazyk v shkole*, 1963, no. 1, pp. 15–19.
- Besedy s M. V. Panovym [Conversation with M. V. Panov]. In: *Zhizn' yazyka: Sb. st. k 80 letiyu M. V. Panova* [The life of a language: A collection of articles on the 80th anniversary of M. V. Panov]. Moscow, 2001, pp. 483–524.
- Birger E. I. Davno nazrevshaya zadacha [A long-overdue task]. *Russkiy yazyk v shkole*, 1962, no. 4, pp. 100–104.
- Efimov A. I. Krasnorechie i orfografiya [Eloquence and orthography]. *Izvestiya*, 1962, 23 March. p. 3.
- Inber V. M. Davayte podumaem khoroshen'ko... [Let's think carefully...]. *Literaturnaya gazeta*, 1964, 8 okt., p. 2.
- Ivanova V. F. Akademik Viktor Vladimirovich Vinogradov kak predsedatel' Orfograficheskoy komissii 60-kh gg. (Nauchnye i sotsial'nye aspekty orfografii) [Academician Viktor Vinogradov as the chairman of the orthography commission of 60s. (Scientific and social aspects of the orthography)]. *Rusistika segodnya*, 1995, no. 2, pp. 108–114.

- Kirsanov S. I. Vopreki bukve i dukhu... [Contrary to the letter and spirit...]. *Literaturnaya gazeta*, 1964, 1 okt., p. 2.
- Kryuchkov S. E. Edinyy svod pravil orfografii i punktuatsii [A set of rules of orthography and punctuation]. *Uchitel'skaya gazeta*, 1956, 26 may, p. 3.
- Leonov L. M. Proshu slova [I ask for the floor]. *Literaturnaya gazeta*, 1964, 3 okt., p. 2.
- Na povestke dnya: shkola [On the agenda: school]. *Izvestiya*, 1962, 25 aug., p. 1.
- O sovremennoy russkoy orfografii* [About modern Russian orthography]. Moscow, Nauka, 1964, 160 p.
- Obzor predlozheniy po usovershenstvovaniyu russkoy orfografii (XVIII–XX vv.)* [A review of proposals on improvement of Russian orthography (XVIII–XX centuries)]. Moscow, Nauka, 1965, 500 p.
- Panov M. V. *I vse-taki ona khoroshaya!/: Rasskaz o russkoy orfografii, ee dostoinstvakh i nedostatkakh* [Still, it is good!: The story of Russian orthography, its advantages and disadvantages]. Moscow, Nauka, 1964, 167 p.
- Pravila russkoy orfografii i punktuatsii [Russian rules of spelling and punctuation]. Moscow, 1956, 176 p.
- Serebryakova G. I. Ostorozhno! [Caution!]. *Literaturnaya gazeta*, 1964, 8 okt., p. 2.
- Shapiro A. B. Nemalovazhnyy vopros (K sporam o russkom pravopisanii) [An important question (To the dispute about Russian orthography)]. *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka*. 1962, vol. XXI, iss. 6, pp. 465–580.
- Vinogradov V. V. Russkaya orfografiya i ee reforma [Russian orthography and its reform]. *Izvestiya*, 1962, 15 dec., p. 5.
- Voprosy russkoy orfografii* [Questions of Russian orthography]. Moscow, Nauka, 1964, 136 p.